

Вас люблю

Я ЧАСТО бываю в этом доме. На звонок открывает дверь Танина мама. Сама Таня появляется в прихоруженной в инвалидной коляске. «Добрый день, Таня!» — говорю я. Она смотрит на меня серьезно и прямо, и кажется, что сейчас услышу ответное: «Добрый день!» Но Таня не узнает меня, молчит... И вдруг, заметив торчащее из рукава моего пуховика перышко, выдергивает его и, показывая мне, с удивленной улыбкой спрашивает: «Ты что, леташь?»

Пять лет назад 24-летняя Таня недалеко от своего дома была сбита грузовиком, который занесло при обгоне на тротуар. Она пролежала пятнадцать метров и ударила головой об асфальт. Когда «скорая» привезла Таню в больницу, врачи решили, что спасти ее уже бессмысленно, и в то время, когда дорога была каждая минута, Танина мама лишь через несколько часов нашла ее, забытую и заброшенную, в конце больничного коридора. Началась борьба за Танину жизнь, и, несмотря на безнадежные прогнозы врачей, Таня выжила, но стала иной.

Она все так же красива, все так же внимательно смотрит ее большие серые глаза, но она потеряла свой жизненный опыт и сегодня у нее детское восприятие мира. Врачи могут объяснить, какие участки ее мозга навсегда атрофированы вследствие черепно-мозговой травмы, а какие постепенно восстанавливаются. Но те же медики признают, что многое в сегодняшнем мышлении Тани остается для них необъяснимым. Необъяснимы Танины рисунки, ее странные ответы, высказывания, сны-видения.

«Я видела две планеты, — пишет она печатными буквами в своем сегодняшнем дневнике, — одна была молодая, но мало растений и немного животных — такие, что-то среднее между землей и человеком, у них лапы сверху покрыты не пальцами, а чем-то удивительным, и лапы вытягиваются, когда им нужно. А еще я видела море — наверное, там были рыбы и разное... Видела мелких и быстролетающих птиц... Эта планета — сестра нашей планеты. Мне там было хорошо...»

Она сама открывает лечебные точки на своем теле и записывает: «Точки на ступне дают силу. Посередине стопы точка дает здоровье голове, груди, животу. Большой палец очень сильный, имеет точки на все тело. Палец сверху имеет точки на голову, посередине

До катастрофы...

не нажат — ответ всего тела, что лучше, если нажать внизу — лучше ногам. Если болит живот — нажать на овальное место (ноготь)».

В то же время она никого не узнает, не помнит того времени, когда ей все удавалось. Боже, какое это было время! Когда она шла себе яркие юбки, училась играть на гитаре, пела Валерия и свой любимый «Вальс-Бостон» Розенбаума. Она не помнит, как со своей мамой ездила в Забайкалье (Майя Николаевна Лебелъ — известный ученый-реставратор, ее руками восстановлены египетские рельефы и античные статуи в Эрмитаже), где помогла маме в музее реставрировать буддийские маски мистерины Цам и, примеряя их на себя, с упоением исполняла танцы каки-то восточных богов... Еще они побывали на археологических раскопках в горах Памира, Тянь-

Другая жизнь

История о возвращении сознания

Шаня и в античном заповеднике Танаис под Ростовом, где Таня склеивала осколки древних амфор, а в День археолога, изображая амазонку, сидела в самодельной тунике на местной лошадке.

Ах, эти лошади! Они и сейчас появляются на ее «планетах». Когда ей было семнадцать, она записалась в конный клуб, занима-

лась выездкой, знала поименно всех лошадей в городских клубах и по выходным выписывала аллюры на лугах под Сестрорецком. И даже был момент, когда однажды она объявила дома, что собирается всю жизнь работать конюхом. «Как конюхом?!» — ахнула Майя Николаевна. Ведь Таня с пяти лет ходила в изостудию Эрмитажа, и ее работы, как одни из лучших, посылались на зарубежные выставки детских рисунков. В конце концов все же решено было поступать в Серовское училище на факультет прикладной графики.

Таня легко поступила (ей все тогда давалось легко), и началось студенчество: наброски, этюды, подруги, друзья, секция зоолого. Кстати, дядю ей пригостило: среди невоскрешаемых памятью эпизодов прошлого был один жуткий, замешанный на женском страхе, тяжелом мужском дыхании, бесстыдных прикосновениях, борьбе — однажды в лифт одновременно с ней вошел незнакомый парень, и началось... Одной рукой она нажимала на кнопки лифта, другой — боролась с ним. Он успевал нажимать на другие кнопки, одновременно разрывая на ее груди блузку. В конце концов она так ударила его, что сумела вырваться из лифта. И когда бежала по улице, как она потом уже, смеясь, рассказывала, — парень, держа в руке порванную золотую цепочку, догонял ее, кричал на весь квартал: «Девушка, возьмите свою цепочку!» В общем, все обошлось довольно легко, как и получалось все остальное. Были, конечно, какие-то принадлежавшие каждой юности страхи, мечты, обиды, разочарования.

Но потом главным стал диплом, а после диплома все удивлялось: сколько у нее энергии, сколько дел — курсы менеджеров по рекламе (это же интересно и всегда пригодится), а потом и преподавание на этих курсах, занятие танцами, увлечение фотографией, курсы косметологов (чтобы быть еще красивее). И, наконец, поездка к друзьям в Гамбург, а там — приглашение поступать в Высшую художественную школу, и там же (опять удача!) — заказ на роспись стен кафе где-то под Гамбургом. По возвращении домой — тоже заказы: эскизы ветряных мельниц. И одновременно свое: акварелью — птицы, опять лошади, любимые коты; тушью — романтические силуэты барышень и гусаров.

Еще были стихи, которые она писала в тетрадь, никому не показывая и прятала в дальний ящик стола, и только уже потом Майя

Николаевна случайно обнаружила эту тетрадь. Одно из стихотворений, о встрече с Ангелом-хранителем, написанное, судя по дате, в 19 лет, оказалось пророческим:

*В глазах больших
тоска-печаль-тревога,
Он говорит: «Мне виделась дорога,
Дорога в бесконечность уходила...
Мне было странно это, даже мило.
Но не светило созвие той дороге,
И временим увязали ноги,
И гром гремел, туман стоял стеной,
И путь-дорога та передо мной...»
И, просыпаясь утром, я вздыхала,
И на немой вопрос не отвечала,
И шла, ищя со своей судьбой,
По той дороге смутной, роковой...*

*Настигла меня туча грозная!
О, Ангел! Ты меня предупреждал...*

Ангел предупредил и был забыт, а через два года появился ОН.

— Таня, ты помнишь Славу?

Таня молчит, берет на руки кошку, гладит ее, говорит ласково: «Мур...»

Слава — он из той, прежней ее жизни. Он был намного старше ее, и это ей очень нравилось. Они познакомились в гостях. «Меня зовут Таня Лебелъ», — сказала она. «Лебелъ» — по-французски «красавица», — улыбнулся он. «Эта фамилия моего прадедушки, он был английский бароном, а моя прабабушка, между прочим, была пер-

... и после

никуда не едет. Таня все еще в коме, с полной потерей сознания. Одна нейрохирургическая операция, другая... По очереди с Майей Николаевной он дежурит у ее постели, кормит через трубку питательными смесями, обтирает ее икалеченное тело камфорным спиртом, убирает за ней, приговаривая: «А то еще скажешь потом, что я за тобой не ухаживал». Густые Танины волосы наголо острижены, она бескровная, исхудавшая, испарившая себя в приступах безумия и боли, а он гладит ее по щеке и без конца повторяет: «Все равно ты — самая красивая на свете». Через три месяца мамы Таня открывает глаза — кроме боли и смертельной тоски в них ничего нет. Она никого не узнает...

Осень. Он все еще никуда не едет. Она, как дикий зверек, шарахается, кусается, ненавидит каждого, кто к ней приближается, отталкивает подносимые ко рту ложки, лекарства, часами тихо воет, а когда успокаивается и засыпает, он берет ее руку в свою и шепчет: «Только сейчас я понял, как я тебя люблю».

Проходит еще полгода — Таня выписывается домой. Ее кровать обнесена решетчатой, где она учится переворачиваться, садиться, владеть руками, говорить, играть в кубики. Спазмы мучают ее тело, особенно ноги, она кричит от боли.

Лето. Сидя на даче в коляске, она уже с наслаждением нюхает

цветы, подбрасывает и ловит мяч, требует ярких одежд. Но все еще никого не узнает, не видит, а о маме говорит, что это «девушка, которая кормит».

Он тратит и тратит отложенные для новой заокеанской жизни сбережения (полученные от продажи своей квартиры) на дороге лекарства, консультации врачей и, уже значительно поистратившись, связанный деловыми договорами с ожидающими его партнерами, решает на отезде. Перед отъездом он просит врачей дать ему «какую-нибудь таблетку», чтобы иметь душевные силы сесть в самолет.

И уже без него Таня берет в руки карандаш и заново учится писать. Как первоклассница — сначала буквы, потом слова. Потом начинает рисовать. Ее первый, полудетский рисунок — мужчина и женщина возле страшно ошенившейся собаки — самые сильные образы, вырвавшиеся из замутненного сознания. А дальше она рисует уже разноцветный мир, где появ-

ляются лошади и под ними неожиданно многозначительная подпись: «У каждой лошади свой аллюр»; цветы; какое-то странное животное в окружении страшных авиаторов. Постепенно рука, вспоминая прежние навыки, передает антураж, объем, перспективу. Ее работы привлекают внимание искусствоведов, педагогов, психиатров. В своих научных докладах о необыкновенном в их практике случае постепенного восстановления мозга сообщают: «Процесс рисования Татьяны Лебелъ способствует восстановлению ее сознания, не будь побуждения желания высказаться — не наблюдалось бы такой положительной динамики восстановления».

А тем временем Таня пишет в тетрадке: «Я не могу ничего делать и не могу думать. Я хочу ударить себя ножом, но здесь жить не хочу». И снова рисунок чудовищ, птиц, людей.

Через два года после катастрофы в Эрмитаже открывается выставка Таниных работ под названием «Возвращение». А в газетах публикуются материалы, где говорится о «величии человеческого духа», о «мужестве молодой художницы и ее мамы», которая заставила медиков вопреки их врачебной логике поверить в спасение Тани и в союзе с ними, по ее же словам, «реставрирует свою дочь».

Таня «возвращается». И в то же время она делает в дневнике запись: «Грустно мне потому, что я не знаю своей прошлой жизни. Мне сказали: я попала под машину. Не помню, что было до машины в моей жизни».

А между тем тот, кто был «до», чей поцелуй она когда-то тайно сохранила на своей щеке, шлет ей послышки с красивыми одедами и заморскими сладостями и игрушками, деньги на лекарства. И постоянно звонит.

В декабре, перед самым Новым годом, он позвонил при маме. Майя Николаевна сообщила ему, что в Выставочном зале Союза художников открылась новая выставка Таниных работ под названием «До и после», что на открытии были Танины врачи, знакомые художники, появились даже районные начальство. Были речи, цветы, а Таня сказала: «Я не понимаю, почему собралось столько народа. Разве я великий художник?»

Он просит к телефону саму Таню: «Привет, Татьянашка! Ты слышишь меня? Поздравляю тебя с

